Бабочка

Автор:
Марина Эльденберт

Бабочка

Марина Эльденберт

В мире, который в любую секунду может уйти под воду, в мире, который существует только благодаря магии въерхов, люди абсолютно бесправны. И я, Вирна Мэйс, одна из многих.Моя сестра исчезла, и я знаю, что никто не будет искать ее. Лайтнер К'ярд, сын нашего правителя, может мне помочь, но цена его помощи слишком высока.Он думает, что может получить меня, но он ошибается. Я стану первой, кто бросил ему вызов. Первой, кто сумеет перед ним устоять.Первая книга серии Глубина.

Марина Эльденберт

Бабочка

Глава 1. Домик у моря

Вирна Мэйс

Есть социопаты, есть социофобы, а есть я. Ни к первым, ни ко вторым я себя не отношу, но кое-что общее у нас определенно есть: мы в равной степени некомфортно чувствуем себя в обществе. Возможно, именно поэтому я была

искренне счастлива, когда сидевшие по обе стороны от меня пассажирки сошли с платформы, и я осталась одна.

Подкладка под тканью давно истрепалась, и металлическая сидушка холодила пятую точку, но после смены в кафе, где я подрабатывала официанткой, ноги просто отказывались меня держать. Заведение, которое держит нистр Доггинс, относится к тому самому уровню забегаловок, где можно прилично перекусить по адекватной цене и назавтра не свалиться с пищевым отравлением. Именно поэтому очередь в него выстраивается со всего района, а мы с девчонками сбиваем ноги, чтобы обслужить все столы. Посетители долго не задерживаются, политика у Доггинса такая: пожрал – выметайся. Именно поэтому остановиться и передохнуть времени нет, ведь в Ландорхорне содержание собственной кухни обходится дороже средней ежемесячной зарплаты. С любой плитой, какую ни возьми, затраты на коммуналку такие, что проще питаться в элитном ресторане.

«Конечная», – высветилось на табло, и я, плотнее запахнув куртку, спрыгнула с платформы. Она ненадолго зависла над улицей, а после с тихим жужжанием поплыла обратно. Платформы – транспорт для низших слоев населения, или попросту говоря для тех, кому нечем платить за проезд. Это реально платформа, плавающая над улицами на аэроподушке, по центру несколько рядов скамеек, по бокам торчат поручни, за которые люди держатся в час пик. Есть еще крытые платформы, с бортиками, но за проезд в них нужно платить, а я совершенно точно знаю, куда мне деть заработанные в закусочной Доггинса деньги.

– Эге-е-ей, красотка! – донесся сбоку нетрезвый голос. – Развлечемся?

Я вытащила из сумки шокер и выразительно показала надвигающемуся типу. К счастью, тот все сразу понял, а я ускорила шаг. В приморском районе улицы нашпигованы, как линии в тетрадке в клеточку. Должно быть, если на него смотреть со стороны, он эту самую тетрадь в клеточку и напоминает, но я никогда не смотрела на свой район сверху. Над городом летают только «стрекозы», и такой транспорт мне совершенно точно не по карману.

Идти было минут пятнадцать, и я на всякий случай не стала прятать шокер в сумку. Купить его пришлось, когда я разбила предыдущий, потому что возвращаться в такое время по этим улицам небезопасно. Это в центре, где жизнь пульсирует огнем и неоном, где деньги текут рекой и каждый новый день начинается со встречи рассвета на балконах и панорам в элитных пентхаусах, можно бродить хоть всю ночь напролет: никто тебя не тронет. Никто, кроме

политари, разумеется – если у тебя в документах не стоит отметка о проживании в двух ближайших кругах, арестуют, и вкатят такой штраф, что мало не покажется.

Моя жизнь проходила на Пятнадцатом круге, поэтому и делать в центре мне было нечего. Ну, или почти нечего: у меня стоял дневной допуск на обучение во втором.

Чем дальше я уходила от станции платформы, тем сильнее шумело море. Когда-то (если верить учебникам по истории) дома у моря считались престижными, а такие районы, в каком я живу, были оккупированы богатыми людьми. Очень богатыми людьми и въерхами, в те времена между нами еще не было разницы. Но потом случилась задница, то бишь материки стали опускаться в воду, и магия въерхов стала единственным, что удерживает нас на поверхности. Поэтому теперь они правят миром, люди не у дел, а жилье у моря считается потенциально опасной зоной и живут здесь исключительно те, кому больше негде.

Наш дом и вовсе стоял на первой линии, ближе только широкая насыпь и заградительные понтоны, на которых установлены предупреждающие таблички: приближаться к воде нельзя. Не знаю, кто в нашем мире в здравом уме захочет приближаться к воде – за любую попытку туда войти налагается арест на имущество, за плавание и ныряние – смертная казнь. Все потому, что защита въерхов построена на силовых линиях, удерживающих материк, и любое вмешательство со стороны может нарушить баланс и привести к катастрофе.

Несмотря на это, море всегда манило меня, словно магнитом. Я могла часами стоять у насыпи, глядя на пенящиеся волны. Не я одна, Лэйси, Тайра и Митри тоже. В те годы, когда мы еще держались вместе, а наши родители еще были живы. В те годы, когда мы были не просто сестрами, а по-настоящему близкими людьми.

Оставив за спиной последний переулок, я вышла к морю. Миновав заброшенные складские помещения, под гудящий шум, сквозь густую, разрываемую светом единственного парящего над самой короткой улицей «жука», направилась к стоявшему в отдалении дому. Не сбавляя шага, на ходу нащупала ключи, выдернула их из-под скомканной рабочей формы (которую до завтра еще надо было постирать и отгладить) и тапета, который благодаря поиску сети успел благополучно разрядиться, взлетела на крыльцо. Приложила блокатор к замку,

который подмигнул пропускным сигналом.

Распахнула дверь и чуть не влетела в Лэйси.

Мою старшую сестру.

Сколько я себя помню, Лэйси всегда была старшей. Еще когда я училась ходить, она таскала меня за руку и поднимала с разбитых коленок. То же самое было с Митри, и с Тайрой. Ей пришлось рано повзрослеть, когда не стало родителей, она бросила школу и устроилась на работу. На работу же она сейчас и собиралась, судя по тому, что уже была полностью одета. В отличие от меня, ее смена начиналась ровно в полночь, и заведение, где она работала официанткой, «Бабочка», было элитным клубом для времяпровождения тех, кто мог себе позволить элитный клуб.

– Пришла, – вместо приветствия бросила старшая сестра. – Вовремя.

– Уже уходишь?

– А у меня есть выбор?

Присмотревшись, я заметила, что Лэйси выглядит неважно: на бледных щеках горели два красных пятна, глаза тоже блестели. Я потянулась, чтобы пощупать ее лоб, но сестра отбросила мою руку.

– Кончай изображать сестру милосердия, Вир. Там гора посуды, займись лучше ей, я сегодня не успела.

– Ты простыла, – сбросив сумку на пол и стащив потрепанные кроссовки, сказала я.

– Да ты что?! – сестра издевательски усмехнулась.

– Ты могла бы не огрызаться в порядке исключения?

– В порядке исключения не могла бы, – снова огрызнулась она. – Тем более что твое замечание несет в себе очень ценную информацию, учитывая то, что я

прекрасно знаю, что простыла.

– Я всего лишь хотела сказать, что тебе лучше сегодня не выходить на работу.

– Да ну? И кто тогда нас будет кормить? Ты?! – не дожидаясь ответа, сестра подхватила сумку и, оттолкнув меня, шагнула к двери.

Я едва успела перехватить ее за локоть.

– Ты прекрасно знаешь, почему я пошла в Академию.

– Да! – Лэйси отняла руку. – Потому что тебе повезло. Потому что ты выиграла в «Калейдоскоп». Потому что у тебя в голове несбыточные мечты!

Она невольно повысила голос, я же прилагала все усилия, чтобы не подхватить ее тон.

– Что плохого в том, чтобы вырваться отсюда?! – я обвела взглядом холл, который даже холлом назвать нельзя.

Стены слегка накренились, их удерживала только какая-то магия, которую мне понять было не дано. Временами, когда завывал ветер, мне казалось, что наш дом сложится, как пластиковый стаканчик под ударом кулака.

– Ничего, – язвительно фыркнула сестра. – Кроме того, что живем мы сейчас, а не через семь лет, когда ты закончишь свою Академию. И жрать нам тоже нужно сейчас, так что займись посудой и отвали!

Дверь хлопнула так, что у меня зазвенело в ушах. Сбросив куртку на старючую вешалку, крючки которой уже слегка проржавели, бросила в зеркало быстрый взгляд. Несмотря на то, что волосы я всегда носила стянутыми в пучок, ветер все равно умудрялся вытащить из копны непокорную прядь и свежим шрамом швырнуть на лицо. Шрамом – потому что именно так на бледной коже смотрелся цвет коры красного дерева. Таким цветом, что удивительно, природа отметила нас всех, четверых сестер. Но если у Лэйси и Тайры волосы были въющиеся тугими кольцами, как у мамы, нам с Митри достались прямые, как у отца.

Черты лица я тоже унаследовала его, чуть более резкие, чем мне хотелось бы, только линия губ была мамина. Возможно, именно поэтому в моей внешности всегда возникал какой-то диссонанс. Хотя скорее всего, этот диссонанс сидел глубоко во мне, отчасти потому, что Лэйси была права: я действительно хотела продолжить обучение. Несмотря на то, что правильнее было бы работать на двух работах, как это делала она, я выбрала забегаловку вистра Доггинса и дневное обучение.

Дневное обучение, которое позволит мне со временем занять более высокую должность, чем официантка, поломойка или разносчица пиццы. Люди в нашем мире ценились исключительно как обслуживающий персонал там, где не справлялся искусственный интеллект. До определенного времени высшее образование было нам недоступно, но потом случились Раверхарнские волнения, когда десять лет назад по всей стране миллионы людей вышли требовать достойного к себе отношения. Города были оцеплены политари и войсками въерхов, это могло бы перерасти в революцию, если бы въерхи не придумали «Калейдоскоп». Лотерею, отбирающую из учеников и учениц с хорошей успеваемостью тех, кто получит право учиться дальше, наравне с ними.

Я оказалась одной из них.

И видит море, я не собиралась от этого отказываться. Хотя бы потому, что именно полученная мной специальность – лиабиолог[1 - В переводе с древнеранханского lia – вода], позволит нам всем выбраться из той задницы, куда жизнь затрамбовала нас по праву рождения. Лиабиологи были теми, кого подпускали к морю достаточно близко, чтобы его изучать.

Подхватив оставленную сестрой масляную лампу, щелкнула фитилем, увеличивая пламя, и прошла на кухню. На столе обнаружились остатки хлеба, в холодильнике – кусок сыра и немного масла. На скорую руку соорудив тощий бутерброд (надо было оставить сестрам на завтрак), я обернулась и чуть не подпрыгнула: за спиной, прижимая к груди драное лоскутное покрывало, стояла Тайра, наша самая младшая.

– Пить хочу, – сказала сестренка.

– Сейчас.

Глянула на шкалу очистки воды: фильтр уже почти приказал долго жить, скоро надо будет ставить новый. А это опять деньги и опять ругань с Лэйс. Завтра попрошу у Доггинса дополнительные смены на выходные, и плевать мне на то, что она думает. Я сумею и работать, и учиться.

Подставила стакан под кран, позволяя тощей струйке наполнить его до краев, после чего протянула Тайре. Она выпила ровно половину, после чего развернулась и ушла в коридор, не сказав больше ни слова. Даже не попросила проводить: я слышала, как шаркает старая подошва по затертым полам, потом негромко стукнула дверь.

Я проглотила бутерброд, почти не почувствовав вкуса, после чего направилась в ванную. Надо было набрать воды для стирки: закончу с формой – и сяду за уроки. Часа три у меня на них есть, если успею и уложусь в отведенное время, потом будет еще часа три на поспать.

Глава 2. Когда-то мы были семьей

Вирна Мэйс

– Ты меня достала! – выхватив из рук Тайры кружку с обжигающим травяным глайсом, Митри едва не расплескала его на себя и выругалась так, что завяла бы даже стоявшая в черепичном горшке арнатуция. Если бы не завяла раньше: сейчас вместо нее из горшка торчал сухой стебель, грозивший вот-вот сломаться пополам.

– Она ругается! – тут же ткнула в сестру пальцем младшая.

– Нечего ее дергать, – философски отозвалась я.

Ругательство – меньшее, что можно огрести за ее выходки. Выходки, которые Лэйс не только поддерживала, но и одобряла, несмотря на то, что временами они переходили все допустимые границы. Сейчас, например, Тайра вымачивала

обрывки оберточной бумаги для завтрака, точнее, то, что оторвалось криво, в залитой горячей ржавой водой миске с остатками быстрой каши и швырялась ими в сестру. Один из них угодил прямо ей в сумку, после чего Митри и психанула.

– Лэйс говорит, что вы злые! – вскочила из-за стола младшенькая, ее непослушные волосы топорщились в разные стороны спиральками. – Вы и есть злые, злые, злые, злые!

С этими словами она вылетела из-за стола и убежала в спальню, Митри, едва взглянув на меня, буркнула:

– Спасибо, – и тут же уткнулась в тапет.

Снова выругалась и изо всех сил стукнула кулаком в дисплей.

– Осторожней, – заметила я, сгребая со стола грязную посуду. – Расколошматишь – не сможешь заниматься.

– Ужас какой, – огрызнулась сестра, – буду драить полы у какого-нибудь въерха без двух последних классов!

Не дожидаясь ответа, она подхватила со стола тапет, с пола сумку и вылетела с кухни. Вообще мне здорово повезло, что Тай в прошлом году пошла в школу, потому что когда ее приходилось водить в садик, я вставала еще раньше и все равно регулярно опаздывала на занятия, что, разумеется, совершенно не радовало учителей. Они предрекали мне кошмарное будущее и заваленный ЕВТдЛ (выпускной тест для людей), но назло им всем я набрала высшее количество баллов. Получила возможность принять участие в «Калейдоскопе» и стать лиабиологом. А вот в Академии, где я сейчас учусь, за любой пропуск могло здорово влететь.

В коридоре что-то громыхнуло, раздался возмущенный возглас Митри и следом визг Тай.

– Не поубивайте друг друга по дороге, – рявкнула я, обернувшись.

– Боишься, что кремировать не на что будет?! – Митри.

– И как ты догадалась?

Сказать, что наша семья всегда была такой… нет, не всегда. Когда-то мы были самой обычной семьей с достатком ниже среднего. Родители работали в промышленной зоне: после того, как отец получил серьезную травму позвоночника (медицинской страховки едва хватило, чтобы покрыть расходы), его уволили с работы метрдотеля в одном из крупнейших ресторанов. Мама, которая там же мыла посуду, тоже ушла, чтобы быть поближе к нему. После переподготовки они устроились на автоматизированное производство, где отцу надо было следить за работой техники и в случае неполадок срочно бить тревогу, мама же убиралась в офисных помещениях.

Мы их видели редко, но даже в те редкие часы, когда собирались за столом, они объединяли нас. Улыбками, смехом, объятиями, которые не стеснялись нам дарить, но в день, когда их не стало, все рухнуло. Мы начали ссориться. Мы обвиняли друг друга в том, что отпустили их в тот вечер, хотя ураган был сильнейший, а волны с рычанием бились о барьер силового заграждения. Мы просто перестали быть семьей, хотя формально все еще собирались под одной крышей в память о них.

Видимо, только это нас и держало.

Глянув на старенькие наручные часы (мамины), я нацарапала на клочке бумаги: «Утренняя посуда – твоя», – после чего отправилась к себе в комнату, собираться. За окнами еще было темно, в такое время года светает уже значительно позже, лезвия колючего дождя полосовали стекла. В одном из таких стекол отразилась моя невыспавшаяся физиономия: с домашним заданием не получилось разобраться так быстро, как я планировала.

Форма из «Горячей пышки» Доггинса еще не высохла, но я надеялась, что в личном шкафчике дело пойдет быстрее. В Академии хотя бы топят, и есть все шансы, что до вечера этот шедевр дизайнерского искусства (голубое платьице, белый фартучек с огромной улыбающейся пышкой справа, и полосатые бело-голубые чулки) отвисятся и просохнут к тому времени, когда мне придется это надеть. Благо хоть ткань была немнущаяся, илиэстрен, изобретение конца прошлого века. Синтетическая настолько, насколько можно себе представить,

по виду как нечто легкое и воздушное, по ощущениям как наждачное полотно. Зато ее можно было сырым комком запихнуть в сумку и не бояться, что она помнется.

На выходе из дома еще раз глянула на часы (за сборы неумолимым временем было съедено еще два деления), быстро захлопнула дверь, накинула капюшон, и ежась под порывами ветра, почти бегом бросилась к станции платформы: Академия, где я учусь, располагается на втором круге, платформы катаются до шестого. То есть если я опоздаю на транспорт, идущий в студгородок, мне придется пешком топать через четыре огромных района.

Топать не пришлось. Гусеница (угораздило же кого-то назвать скоростной поезд именно так за длину и перемычки между вагонами, а еще за усы, которыми он цеплялся на протянутые над городом провода) захлопнула двери в тот момент, когда я влетела в последний вагон, набитый битком. Народу было столько, что дверью меня размазало по широкоплечему парню, но тот даже не обернулся: видимо, привык. Собственно, мы все привыкли.

Выпустив из-под «усов» сноп искр, гусеница сорвалась с места и заскользила в сторону следующей станции на высоте четырех валлов. Один валл – это один человеческий рост (средний, как у меня). Позади осталась аэроплатформа и небольшие стандартные двенадцатиэтажки, из которых здесь состоял почти весь район. Отдельных домов здесь было не найти, равно как и бизнес-центров, разве что мелкие фирмы, занимавшие преимущественно выкупленные первые этажи. Насколько я знала, на весь шестой круг было всего два торговых центра и несколько небольших гостиниц, на все население района рабочих мест не хватало.

Мимо проплыла школа, и я невольно всмотрелась в светящиеся окна: у Митри и Тай наверняка уже идут занятия. Разумеется, они учились в другой, та располагалась на восьмом, и я закончила ту же. Можно было выбрать школу на двенадцатом (на более дальних кругах школы не строили по технике безопасности на случай быстрой эвакуации), но родители, едва взглянув на то, что творится в ближайшей, остановились на этой. Мы с Лэйс не стали ничего менять, и пусть эта была дополнительная статья расходов, школа на восьмом была действительно лучшим решением.

«Пятый круг. Кольцевая», – сообщило табло, и его подхватил механический женский голос, высокий, мелодичный, но до отвращения безэмоциональный.

Чтобы меня не снесло потоком выходящих, ухватилась за поручни, и когда толпа хлынула на станцию, развернулась лицом к стеклянным дверям. Обманчиво-хрупким: вынести укрепленную защитой дверь гусеницы не способен даже врезавшийся в нее эйрлат.

Вагон затопило новым потоком, но я не особо расстроилась, за полтора месяца обучения уже успела изучить этот путь от и до. Пятый круг: дома становятся ниже, квартиры больше, улицы шире. В магазинах расцветают краски, цены ползут наверх, витрины переливаются манящими огнями. Четвертый круг – главная прогулочная зона Ландорхорна, здесь многоуровневые парки соседствуют с дорогими отелями, ресторанами и элитными клубами, высотки тянутся к небу, здесь куча торговых центров и где-то здесь работает Лэйс. Собственно, это все, что я знаю про «Бабочку»: как сестра туда устроилась, одному морю известно.

– Выходишь? – мрачно поинтересовался татуированный мужик с черным тоннелем в ухе.

Мотнула головой, и вовремя увернулась, пока меня не вдавило прямо в горизонтальный поручень.

Третий круг – деловой центр, куда стекается элита нашего города, в основном, въерхи. Разумеется, и людям здесь тоже находится место: обслуживающий персонал нужен везде.

Второй круг занимают школы для въерхов, они растекаются по дуге, отделенные друг от друга только прилегающими к ним основательными территориями, и, собственно, Академия Кэйпдор. Половина второго круга, или южная дуга – это Академия Кэйпдор: учебные корпуса, общежития для иногородних, парки, клубы и прочее. Это почти город в городе, и неудивительно, Академия у нас одна. Собственно, больше и не надо – она охватывает все сферы высшего образования, востребованного в нашем мире, и по праву считается лучшей в Раверхарне. Возможно, именно поэтому сюда приезжают поступать и учиться со всей страны, а такого конкурса, как у нас, нет даже в главной Академии в столице.

– Второй круг. Академия Кэйпдор.

Прокладывать себе пусть на свободу не пришлось: у гусениц конечная здесь, дальше ей идти нет смысла. Первый круг – это элитный район, там живут исключительно те, у кого на каждого члена семьи есть личный эйрлат с личным водителем. Хорошо, если не сразу два.

Выскочив на станции, я поднесла к турникету документы:

– Вирна Мэйс, – отозвался механический голос. – Льготный проезд. Проходите.

Толкнув металлическую тяжесть, я сорвалась на бег по идущему вниз эскалатору. Собственно, стоило спуститься, как передо мной на противоположной стороне широченной улицы раскинуло крылья главное здание Академии. Поправив тянущуюся к земле под тяжестью мокрой формы сумку, я устремилась к нему.

Глава 3. Академия Кэйпдор

Вирна Мэйс

Главный корпус Академии, где я учусь, в высоту протянулся на шестнадцать этажей. Он полностью стеклянный, но это видимость: по сути, Академия Кэйпдор – самое защищенное место в городе. Она устоит при землетрясении в двадцать баллов (по шкале из двадцати), в случае затопления вокруг него будет растянут силовой щит, не позволяющий повредить ни само здание, ни размыть почву. Если смотреть на главное здание сверху, можно увидеть молнию. Как-то так повелось, что для въерхов символ могущества именно молния, само слово «Кэйпдор» в переводе с древнеранханского означает «Властвующий».

Огромная стеклянная стела (что характерно, тоже в виде молнии), подписана девизом: Estors. Virhaain. Keaaiphain. Все в том же переводе это означает – «Ум. Знание. Сила». Словом, если кто-то сомневался, что въерхи помешаны на собственной силе, одного взгляда на эту громадину должно хватить, чтобы все сомнения разом отпали. Если кого-то они время от времени посещали, то такие

вот монументы разом сглаживали это досадное недоразумение.

Народ стекался в корпус по центральной аллее, и я невольно ускорила шаг. Ветер усилился, дождь грозил перейти в ливень, а отражающееся в темном стекле небо тянулось к земле всей своей тяжестью. Двери автоматически распахнулись передо мной, пропуская в холл главного корпуса, где я приложила пропуск к панели и прошла через сканирующий турникет, являющий собой стеклянную капсулу.

В «Кэйпдор» не получится пронести оружие, взрывчатку или что-либо еще, способное навредить въерхам. Да, большая часть обучающихся здесь – именно въерхи, жалкие крохи «калейдоскопников», как нас называют, составляют всего пять процентов студентов Академии. Со временем процент, разумеется, должен стать выше, настанут дни, когда люди будут учиться наравне со въерхами. Об этом вещают со всех экранов и все СМИ, крикливые заголовки «Дорогу талантам» заполонили сеть и мозги тех, кто до сих пор верит в эту чушь. Лично я верю только в то, что мне здорово повезло, а вся эта хрень с «пятьдесят на пятьдесят» призвана для того, чтобы сдержать волнения.

Так что да, мне действительно здорово повезло.

В отличие от большинства студентов мой путь лежит в раздевалку. На территории Академии допускается находиться не в форме только в холле или в прилегающих к зоне для переодевания коридорах. Многие, чтобы не заморачиваться, переодеваются дома, но есть исключения. Например, те, кому плевать на форму или те, кто не может ее себе позволить. Таким, как мы, форму выдает государство, она чипирована и выносить ее за пределы Академии запрещено. Исключительно потому, что мы живем в неблагополучных районах, и можем просто-напросто не вернуться или передумать обучаться.

Тогда государство обеднеет на целую одну-две-три формы, ага.

Женская и мужская раздевалки разделены холлом и представляют собой два просторных зала, в которых спокойно можно проводить банкеты и презентации федерального значения. Если бы не бесконечные ряды шкафчиков, где хранятся вещи (а в моем случае и форма), уверена, здесь можно было бы вообще устроить поле для игры в виккл, а при желании еще возвести трибуны.

Раздевалка гудит голосами, мимо меня проходит стайка девушек-третьекурсниц (судя по нашивкам на рукавах), они даже не смотрят в мою сторону. Только одна из них что-то насмешливо произносит, но мне, по большому счету, плевать. Добираюсь до своего шкафчика, с наслаждением стягиваю куртку, сбрасываю внутрь сумку.

– Вирна! Привет! – быстрые шаги и голос раздаются одновременно. Запыхавшись, ко мне подбегает Алетта: мы учимся вместе. Она тоже человек, живет на Пятнадцатом, только в промышленном районе. Если там открыть окно на пятнадцать минут, из глаз начинают течь слезы, а спустя пятнадцать лет проживания в этом месте вам здорово повезло, если вы не стали хроническим аллергиком.

– Фух! Еле успела! – она сбрасывает сумку прямо на пол, ладонями приглаживает растрепавшиеся темные кольца волос, пружинками торчащие в разные стороны. – Платформа поломалась прямо на нашей конечной, представляешь?! Пришлось ждать следующую!

Чиркнув пропуском по панели, Алетта рывком распахивает дверцу и пялится на себя в зеркало.

– Ну и рожа!

– Все с твоей рожей нормально, – фыркаю я.

– Ну да, конечно, – она недовольно кривится, достает из сумочки тушь и начинает красить и без того длинные загнутые ресницы. Глаза у нее темные, но в них крохотные золотые крапинки, такие же крапинки у нее вокруг носа (реакция смуглой кожи на солнце). Пока Летта красится, я переодеваюсь: темно-синяя юбка чуть не достает до колен, светлая блузка, такой же синий жакет. Отличительный знак факультета лиабиологии – крылья над волной, на ярко-желтом фоне и такая же нашивка на рукаве, в которой расположена одна пара крыльев: знак того, что я первокурсница.

Летта переодевается быстро, из-за чего край воротничка у нее загибается под жакет, и я его поправляю.

– Спасибо, – бормочет она. – Тебе не кажется, что я правый глаз криво накрасила?

– Не кажется.

Она выдыхает, и я добавляю:

– Ты его криво накрасила.

Летта бьет меня по руке и смеется.

– Ладно, все равно времени нет переделывать.

Времени и правда нет, первая пара у нас в другом корпусе, и чтобы в него попасть, надо спуститься под землю и быстро идти по переходу. В другой день можно было бы пройтись по дорожкам, но не сегодня. Под таким дождем в два счета промокнешь до нитки.

– Слушай, ты методичку по лабораторной просмотрела? – спрашивает она, когда мы выходим из раздевалки. – У меня тапет заглючил и не пускал ни в какую.

Все обучающие материалы в начале учебного года загружаются в наши тапеты. Получить к нему доступ не может никто другой, переносить и копировать их запрещено под угрозой отчисления, а передача информации посторонним в устном или письменном виде вообще предусматривает уголовную ответственность.

Иными словами, ничто нами получаемое от въерхов, за эти стены не выйдет.

– Ага.

– Расскажешь, пока дойдем?

– Не вопрос.

– Уйди с дороги, калейдоскопница, – резкий удар в плечо отбрасывает Алетту в сторону, и мимо нас проходит группа второкурсниц. Судя по одежде: золото нашивок и карающая длань закона, распростертая над планетой – с факультета юриспруденции.

Разумеется, все въерхи, и среди них выделяется одна, с волосами, сияющими золотом, как нашивка на ее рукаве. Ее юбка на ладонь короче положенного, а стройные ноги подчеркивают гетры. Разумеется, она даже не смотрит в нашу сторону, слышен стук каблуков, длинные до пояса волосы переливаются волнами при каждом шаге. Одна из ее свиты оглядывается на нас и презрительно фыркает, но тут же ускоряет шаг, чтобы не отстать от остальных.

– Ромина Д’ерри, – чуть ли ни с ненавистью шепчет Алетта.

Мне это имя мало о чем говорит, поэтому просто вопросительно приподнимаю бровь:

– Ты что, из моря вылезла? Ромина Д’ерри, дочь главного судьи.

Теперь, кажется, припоминаю. Имя судьи Д’ерри не сходит с первых полос газет, он один из сильнейших въерхов города.

– А еще она встречается с Лайтнером К’ярдом.

Это имя тоже знают все, Диггхард К’ярд – правитель Ландорхорна, единоличная власть. Он тот, кому подчиняются все в нашем городе, и, возможно, не только в нашем.

– Остается только радоваться, что эта стерва не учится с нами на одном факультете, – бормочет Алетта. – Говорят, на своем они всех держат за глотку.

С такой родней за спиной – неудивительно. Я предпочитаю не озвучивать свои мысли, поэтому только скептически фыркаю. Алетта косится на меня:

– Ты чего?

– Задумалась про некоторые непризнанные авторитеты.

– Попробуй тут не признай. Такие как они раскатают ровным слоем по полу в сортире и не заметят, – впрочем, она тут же забывает о «таких». – Так что там было в методичке?

Мы петляем по переходам, Алетта внимательно слушает, потоки студентов текут в обе стороны, но холод подземных стен все равно продирает до костей. Поэтому я облегчением вздыхаю, когда мы оказываемся в корпусе и поднимаемся на кафедру подводных существ, где у нас состоится первая лекция в этом семестре. Огромная современная аудитория уже заполнена студентами, возвышающиеся концентрическими кольцами ряды окружают кафедру-сферу, на которой со всех сторон будут транслироваться материалы. Засмотревшись на нее, я чуть сбавляю шаг, поэтому Алетта успевает проскочить, а я шагаю в арку двери в ту же минуту, что и взявшийся невесть откуда парень.

Меня ударяет сначала сильным плечом, потом – ароматом туалетной воды, резким и холодным, как морские глубины. Мы поворачиваемся одновременно, и я вижу широкие плечи и край резкого подбородка. Поднимаю голову: у стоящего напротив небрежно зачесанные назад иссиня-черные волосы. Радужка цвета пламени и ромбовидный зрачок – отличительная черта въерхов.

Ноздри парня шевельнулись, а потом он шагнул вперед, отталкивая меня в сторону. Больно ударившись локтем о дверь, я уронила сумку, и ее содержимое рассыпалось по полу. Перо тапета хрустнула под чьей-то ногой раньше, чем я успела его поднять.

Перо! Перо, чтоб его! Оно стоит недельной зарплаты у Доггинса.

– Засранец.

Мой голос прозвучал неожиданно громко, а после в аудитории воцарилась тишина. Такая тишина, в которой даже мое собственное дыхание показалось громким.

– Прости, – въерх развернулся ко мне, сунув руки в карманы. – Ты что-то сказала?

Он смотрел на меня сверху вниз, что было не сложно, учитывая, что я сижу на корточках. За его спиной нарисовались еще несколько, кажется, один из этих

парней раздавил мое перо. Я успела увидеть, как у Алетты округлились глаза, что касается остальных, они просто замерли. В тишине у кого-то что-то свалилось со стола, но больше не донеслось ни звука.

– Я сказала, – сгребла в сумку все, что из нее выпало и поднялась. – Что ты засранец. Прощаю.

Его глаза вспыхнули рубиновым огнем, но разгореться ему не позволил звонок: в аудиторию вбежал преподаватель. Я обошла создавшего толпу въерха и направилась к свободному столу, пожираемая взглядами всех, кто собрался в аудитории. Алетта, плюхнувшись рядом, ткнула меня в бок. Глаза ее по-прежнему были круглыми, как жетоны для разового проезда на гусенице.

– Вирна! – выдохнула она едва различимым шепотом. – Ты рехнулась?

– По поводу?

Вместо ответа Алетта едва заметно кивнула на парня. Под пристальным царапающим взглядом въерха стало не по себе, особенно когда я увидела перстень на его пальце. На печатке была выбита двойная молния, рассекающая треугольник основ.

Символ рода К’ярд.

Глава 4. Паршивый день

Лайтнер К’ярд

Паршивый день.

Только утро, а он уже паршивый.

Все словно сговорились, чтобы меня довести.

Сначала отец, который вдруг заинтересовался моим расписанием.

– Зачем тебе подводная зоология, Лайтнер? – спросил он за завтраком таким тоном, что мигом отбил весь аппетит. Поэтому я отодвинул тост с рыбным маслом и смело встретил раскаленный взгляд.

Обычно отец предпочитает тишину и новостные ленты на своем тапете, это на пресс-конференциях, на званых обедах и в интервью он блистает красноречием, а перед нами ему не нужно изображать примерного семьянина. Вообще никого изображать не нужно. Так проще, и всех это устраивает. Поэтому если он решил поговорить, значит, будет выдвигать претензии.

– Мне интересны твари, которые водятся в океане.

Даже получилось ответить спокойно, главное, что не капли лжи, хотя я с трудом подавил раздражение.

– Тебе нужно выбирать дисциплины, которые пригодятся в будущем, а не тратить свое время не пойми на что.

А, нет, не подавил!

Наверное, это все-таки плеснуло на поверхность, потому что даже Джубо оторвался от тапета, что для мелкого – большая редкость. Брат уставился на меня во все глаза, не говоря уже о побледневшей маме, занимающей место на другом конце стола. Только ради нее я ответил мягче, чем собирался:

– Я вправе распоряжаться собственным временем, как того захочу.

– Если это не влияет на твою успеваемость.

– Это влияет на мою успеваемость?

Вопрос риторический, потому что у меня отличные оценки по всем предметам (и по тем, которые настоятельно рекомендовал отец, и по тем, что я выбрал сам):

я предпочитаю быть лучшим. В меня это вдалбливали с детства, поэтому быть лучшим у меня вошло в привычку.

– Пока нет, – холодно признает отец.

– Тогда не о чем говорить.

– Как раз есть. Тебе это не нужно.

Отец не повысил голос, но по столовой прокатились отголоски его силы. Сок в бокале качнулся и пошел рябью, пол под плитами содрогнулся. От демонстративной мощи все волосы на теле встали дыбом, в груди заворочалась ярость.

Какого едха[2 - Едхи – морские гады, выползающие из моря, чтобы разбросать свои ядовитые иглы в поисках добычи, обитающей на берегу.]?!

Запугивает, как одного из своих чиновников, у которых колени трясутся при одном его появлении!

– Мне как-то лучше знать, – несмотря, на давящую энергетику, ответил я в тон ему, – что мне нужно, а что нет.

Глаза отца вспыхнули, на лице заходили желваки, воздух задрожал от сгустившейся мощи. Хочет по-плохому? Будет по-плохому, плевать. Дело не в этом предмете, а в том, что отец привык, что все вокруг него прыгают. Все, но не я. Поэтому я сжал кулаки, готовый ответить на силу силой.

– Диггхард! – высокий голос мамы ворвался в наше противостояние. – Лайтнер! Перестаньте, пожалуйста. У нас же семейный завтрак.

Оказалось, что она вскочила со своего места и смотрит на нас перепуганными глазами.

Отец перевел на нее тяжелый взгляд, и мама сжалась: не просто опустилась на стул, а словно уменьшилась в размерах. Она всегда так делает – пытается быть незаметной. Потому что боится отца, но всегда неизменно вмешивается.

И зачем, спрашивается?

– Где ты видишь семью, мам? – бросил я раздраженно и в таком настроении убрался из столовой.

По пути в Кэйпдор, правда, успел пожалеть о своих словах. Мать не виновата в том, что Диггхард К’ярд пытается вылепить из меня свою копию, а я не собираюсь быть таким, как он.

Я стану гораздо лучше.

Разговор все равно крутился в голове, отравляя все и вся. Нет, отец не сможет повлиять на мой выбор, но то, что просто так этого не оставит – бесспорно. Оставалось только готовиться к удару.

Казалось, что может быть хуже?

Одна. Едхова. Девчонка!

Засранец. Прощаю.

Ее слова голографической бегущей строкой крутились в голове, мешая сосредоточиться на вещающем вводную лекцию преподе. Несмотря на то, что она осталась на верхнем ряду за спиной, все равно ее образ и слова впаялись в память намертво, перебивая даже мысли о «семейном» завтраке.

Будь она парнем-въерхом, мы бы прогулялись после уроков на полигон для силовых тренировок и проверили, кто из нас засранец. Но девчонка? Да еще и человек? Что вообще взять с калейдоскопницы?

Я понял, что лекция проходит мимо меня, и, подтянув тапет поближе, открыл общий чат для друзей. Оказалось, там во всю шло обсуждение темы, что люди откровенно зарвались.

«Как ее зовут» – написал я.

«Маруна», – тут же предположила Ромина. – «Мозгов у нее примерно столько же».

Морская маруна – существо-феномен. Они выбрасываются на берег, а затем подыхают без воды. Ученые до сих пор пытаются выяснить, почему эти склизкие полупрозрачные твари так самоубиваются. Но большинство считают, что они просто слишком тупые, чтобы понять, что на берегу их ждет смерть.

В чат тут же посыпались ржущие морды, а я поморщился. Если бы калейдоскопница была полной тупицей, то просто бы не поступила в Кэйпдор. Всем известно, что в Академию принимают только лучших. Поэтому я отправил:

«А серьезно»

«Мэйс, кажется» – это уже Хар.

Его я, пожалуй, знаю столько, сколько себя. Он мой брат, пусть и не по крови. И тот, которому я действительно доверяю.

Мэйс, Мэйс, Мэйс… Это имя ни о чем мне не говорит. Будь она въерхом, я бы мог о ней слышать, с людьми сложнее: их как водорослей в океане.

«Вирна Мэйс», – приходит сообщение от Родреса.

Родрес в нашей компании тот еще молчун, предпочитает говорить по делу, и все обо всех знать. В общем, он просто не озвучивает непроверенную информацию.

Значит, Вирна.

Я небрежно откинулся на спинку сиденья, вполоборота и бросил взгляд наверх, быстро отыскав девчонку. Это не составило труда: ее красные патлы притягивали внимание, как неоновая вывеска. Пожалуй, это ее и выделяло – необычный цвет волос. Мордашка смазливая, черты лица тонкие, что тоже нетипично для людей, да и фигурка – что надо. Наверху я уже оценил стройные ноги с красивыми икрами, которые не скрыла даже чопорная форма академии. Интересно, каким спортом она занимается?

Взгляд с мордашки скользнул ниже в попытке рассмотреть под тканью бесформенного пиджака все остальное. У нее есть сиськи или там все плоско? А глаза у калейдоскопницы синие. Это я успел отметить, когда она упала передо мной на колени: вот в таком виде Вирна Мэйс смотрелась идеально. В другой раз сразила бы наповал.

– Студент К’ярд, – раздался над ухом дребезжащий голос препода, тощего как жердь и древнего как Кэйпдор въерха. – Я понимаю, что вам все дается легко, но без реального присутствия на моих лекциях сдать предмет будет проблематично даже для вас.

Намек на статус моего отца вернул к утреннему противостоянию с силой ударной волны. Мелькнула простая мысль: может, ну его в задницу этот факультатив? Которую я тут же отбросил. Не хватало еще, чтобы отец решил, что это из-за его советов. Да и не за этим я здесь: мне нужны определенные знания.

– Мне действительно все дается легко, – хмыкнул я, игнорируя взгляды в мою сторону, и добавил, поворачиваясь лицом к кафедре: – Продолжайте.

– Спасибо, что позволили, – ядовито продребезжал препод, будто испытывая мое терпение.

«Устроим ей веселую жизнь», – пришло сообщение от Ромины.

Иногда ее заносило, вот как сейчас. Мне это не понравилось, а еще больше не понравился энтузиазм остальных. Здесь только я задаю тон и только я решаю, что и с кем делать.

«Без меня не трогать», – написал я и закрыл чат.

Чтобы послушать вводную про подводный мир и его обитателей. Впрочем, сегодня препод всего лишь напоминал то, что мы и так прекрасно знали из школьной программы: в океане живет множество тварей, некоторые из них выходят на поверхность, другие существуют только в воде, а третьи обитают исключительно на глубине. И это было по меньшей мере скучно. Зато помимо снотворного эффекта лекция обладала еще и успокоительным, к ее концу мне больше не хотелось расколошматить тапет.

– Фу-у-у, скукота! – протянул Дорс, стоило нашей компании покинуть аудиторию. – Кому вообще в голову взбрело записаться на эту едхову хрень?

Снотворного эффекта как ни бывало.

– Мне, – холодно ответил я.

Видимо, чересчур холодно, потому что Хар положил ладонь мне на плечо.

– Лайт, – Ромина отпихнула его и подхватила меня под локоть, – мы же одна команда.

Родрес глянул на нее так, что сразу становилось понятно: запал. Я уже не первый раз ловил в глазах нашего информационного гения это выражение, зато Ромина его напрочь не замечала. Или делала вид, что не замечает.

– В нашей команде нытиков не будет, – хмыкнул я. – Так что либо учитесь, либо валите с курса.

– Да ладно тебе, – Ромина прижалась еще плотнее, скользнув бедром по бедру. – Ты что сегодня такой агрессивный?

– Препод редкостный зануда, – поспешил исправиться Дорс. – Зато я узнал, что есть океанические головастики.

– Сам ты головастик! – воскликнула Нирэла.

Все дружно расхохотались. Кроме меня.

Как назло, воображение снова нарисовало образ синеглазой девчонки.

Какого едха она не идет у меня из головы?!

– Теперь на политологию? – спросила Ромина.

Вот уж что можно назвать занудством, так это политологию. От этого предмета меня реально тошнило, но увы, избавиться от него не представлялось возможным: на моем факультете он – один из основных. Следующими шли силовые тренировки, и вот на них я благополучно забил. Во-первых, мой уровень силы давно превосходит уровень любого второкурсника, с которыми придется даже не сражаться, а так, прыгать рядом. А во-вторых, у меня свои тренировки.

Запихнул кэйпдорскую форму в ящик и подхватил тяжелый черный рюкзак, в котором тоже была своего рода форма. Запрыгнув в эйрлат, я стартанул так, что едва не стер усилители.

– Нужно спустить пар? – усмехнулся друг.

Хар со мной, куда бы я ни пошел: прогуливаем мы тоже вместе, и вместе за это огребаем. Иногда.

– Не представляешь, насколько.

Больше Хар ничего не спрашивал, и за это я был ему благодарен. Мы молчали до самого пляжа, а вид океана, как всегда, увлек мои мысли в другое русло. Подальше от манипуляций отца и едховой синеглазой девчонки. Впрочем, последняя отказывалась из них сваливать насовсем: цвета океана не позволяли. Мелькнула шальная мысль о том, как Вирна Мэйс будет смотреться в купальнике. Правда, люди слишком трусливы, чтобы добровольно приближаться к кромке воды, и эта девчонка вряд ли представляет собой исключение.

Мы с Харом шли плечом к плечу, дождь почти прекратился, но тяжелое небо все равно двигалось нам навстречу. С силой давило на крохотный клочок суши, затерявшийся вдали от посторонних глаз: бухта только для своих. О ней мало кто знает, это правильно. Потому что то, чем торгуют в хижине на берегу, на грани закона.

Расстегнув рюкзак, переоделся в темно-синий гидрокостюм и направился к океану, недобро накатывающего немаленькими волнами. Это что, здесь еще рифы, а вот если отплыть чуть дальше, в сторону мыса Гор, там настоящие гиганты.

Волны размером с приличную жилую высотку.

Именно то, что мне сейчас нужно.

Глава 5. Исчезнувшая

Вирна Мэйс

Совершенно ненормально чувствовать себя как прессованные водоросли, которые с десяток раз просушили, потом столько же намочили и снова сунули под палящее солнце. Палящего солнца в Ландорхорне не наблюдалось вот уже несколько месяцев, аккурат с середины лета. Собственно, середина лета – единственный месяц, когда в нашем городе палящий зной сочетается с пронизывающими ветрами. Потом снова приходят дожди, и так продолжается всю осень, всю зиму и всю весну. Зимой еще и штормит так, что горизонт сливается с небом в серое марево, закрытое высотой ревущих волн, одна за другой накатывающих на силовые щиты. Накатывающих с такой силой, что иногда кажется, что даже они не выдержат.

– Я дома! – сбросив сумку на полку и освободив ноги от кроссовок, шагнула на кухню, чтобы застать необычную картину.

Тай и Митри сидели за столом, расшатанным из-за правой ножки настолько, что садиться за него пренебрегая мерами безопасности было небезопасно. Учитывая, что сестрам давно пора было спать, мне захотелось треснуть Лэйс чем-нибудь тяжелым.

– Лэйси! – рыкнула я. – Лэйс!

– Ее нет, – почему-то очень тихо сказала Митри.

– Что значит – нет? На работу уже ушла?

Рано ведь еще. То есть уже поздно, но Лэйси на работу уезжает позже. Я надеялась ее застать и поговорить про перо, в смысле, про то, что мне придется неделю пахать на Доггинса и при этом отдавать в бюджет гораздо меньше денег, чем я рассчитывала.

– Она не приходила, – еще тише сказала Митри.

– Откуда?

– Ты совсем тупая?! – сестра вскочила, чудом не опрокинув стол. – Со смены! Со смены еще не приходила! Ее не было дома. Вообще!

Тай съежилась и закрыла уши руками: в детстве ее напугал грохот, и теперь она так реагировала на любые громкие звуки.

– Не ори, – огрызнулась я, шагая к столу и отнимая ладошки младшей от лица.

– Тапет?

– Не отвечает. Глухо. Нет сигнала.

До меня понемногу начинало доходить: Лэйс не вернулась со смены. Она ушла вчера и до сих пор не вернулась. Но прежде чем меня накрыло осознанием этого, до меня дошла еще одна очевидная вещь. Деньги. Деньги и еда. Нашим бюджетом распоряжалась Лэйс, она же выдавала на карманные расходы, а если учесть, что все наши карманные расходы сводились к тому, что пожрать на большой перемене, то…

– Я есть хочу, – сказала Тай.

И расплакалась.

Дерьмо, дерьмо, вот же дерьмо!

Метнувшись к сумке, вытащила из нее остатки галет и половинку слойки с сыром, которые собиралась доесть сегодня, пока буду заниматься уроками. Слойку разделили на две части, большая досталась Тай, чуть поменьше – Митри.

Галеты съели вместе, запивая кипятком с настоянными на воде сладкими травами (когда было нечего есть, после них есть всегда хотелось меньше). Я жевала травяную кашу, почти не чувствуя вкуса, изредка перехватывая взгляды Митри.

Она явно хотела знать, что я буду делать.

А я понятия не имела, что. Лэйс была нерушимой основой нашей семьи. Да, временами она была редкостной стервой, но именно она приносила в наш дом основной заработок и еду. Разумеется, знай я о том, что случилось, я бы купила хлеба и сыра, и может быть, хватило бы еще на два пласта искусственного масла.

Но даже если бы я все это сделала, это не отменяло того, что Лэйс пропала.

Пропала.

Она никогда не исчезала, никогда не оставляла нас одних. Она всегда знала, что делать, даже в самой жуткой ситуации, даже когда половина заведений сети, в которой она работала, позакрывалась, штат сократили, а она оказалась на улице – собственно, после того случая Лэйси и устроилась в «Бабочку».

– Может, здесь и приходится вкалывать ночами, – говорила она. – Зато у меня контракт на два с половиной года, и едха с два они меня выкинут, если не хотят платить отступные.

Все эти мысли крутились у меня в голове, складываясь в одно-единственное слово.

Про-па-ла.

Тай пригрелась и начала клевать носом, Митри подскочила со стула и пошла ее укладывать, а я сгребла посуду и отнесла ее в мойку. Струя ржавой воды льдом ударила по пальцам, обожгла холодом, приводя в себя. Мне нельзя сейчас расклеиваться и поддаваться панике. Нельзя, потому что если я начну биться в истерике, девчонки останутся совсем одни. Им не нужна слабонервная сестра-истеричка, им нужна та, кто их вытащит.

И может быть, все не настолько плохо.

Может быть, Лэйси…

Что?

Решила прогуляться и забыла дорогу домой?

В нашем мире люди не исчезают просто так. Такие как Лэйси не исчезают просто так. Она бы никогда не оставила нас, не связавшись по тапету, и даже если бы случилось что-то серьезное, она бы нашла способ с нами связаться.

Я настолько ушла в собственные мысли, что перемыла всю посуду и даже составила ее горкой на полотенце, которое тоже давно пора было постирать. Я подумала об этом, когда увидела край полотенца коричневато-белого цвета. Когда-то оно было полностью белым.

Наверное.

– Ну и что мы будем делать?

Голос Митри дрожал, причем на той самой ноте, когда начинается истерика. В эту минуту я окончательно осознала, что не имею права не знать.

– Завтра утром я пойду в участок, – обернувшись к сестре, ответила настолько спокойно, насколько могла.

– Думаешь, политари будут этим заниматься?!

– Думаю, что я пойду в участок, – сказала я.

– А что, если она…

– Еще я думаю, что тебе стоит пойти спать.

– Надра[3 - Надра – самка морской змеи, оставляющей страшные ожоги, если взять ее в руки. Ругательство.]! – выругалась сестра.

После чего развернулась и вылетела из кухни, и на сей раз выругалась уже я. Мысленно.

Потому что собиралась просить у нее перо, чтобы сделать домашнее задание.

Домашнее задание, ха! Определенно, это то, что мне сейчас нужно.

Помимо шуток.

Нужно, чтобы не сойти с ума.

В участке было шумно (постоянно кто-то заходил, выходил, кого-то тащили сквозь ругань, тонущую в глухом кашле) и воняло так, словно на берег выбросился косяк идущей на нерест рыбы. Скоро стало понятно, почему: парень в распахнутом пальто, прикованный наручниками к металлическому поручню, развалился на стуле и храпел, от него разило перегаром и немытым телом.

Две накрашенные девицы в юбках, которые не скрывали ни края чулок, ни белья, сдвинулись в самый угол, на ободранные металлические сиденья, и изредка брезгливо косились в сторону парня. Дежурный в темно-синей форме, жующий и делающий пометки в тапете, не сводил с них пристального взгляда. Причем судя по тому, куда он смотрел, интересовало его вовсе не то, что девицы могут сбежать. Когда я заслонила ему обзор, политари недовольно нахмурился, и челюсть его выдвинулась вперед, словно стремилась сбить меня с ног.

– Слушаю.

– У меня пропала сестра.

Эти слова дались мне с трудом, потому что я до последней минуты верила, что Лэйси вернется. Верила, что открою глаза и увижу ее, что она скажет, что она упала, сломала руку и тапет, поэтому не смогла позвонить из больницы, а вызовы по общегородскому стоят столько, что она не стала на них тратиться…

да мало ли что. Я просто хотела в это верить: когда пыталась сосредоточиться на лекциях, когда металась по ее комнате в попытке найти хотя бы что-то, когда без сна ворочалась на скрипящей койке, когда спросонья плеснула себе травяного настоя на джинсы. Заснуть мне удалось ближе к рассвету, причем заснуть в данном случае не лучшее слово. Сюда гораздо больше подошло бы «вырубиться», потому что разбудил меня даже не визг тапета, а Митри, тряхнувшая за плечо.

– Ага, – челюсть сдвинулась влево, а политари вправо. Он клацнул пером по тапету, не сводя глаз с промежности блондинки. – Давно?

– Вчера.

– Вчера?!

Он уставился на меня так, словно я была рыбой с четырьмя головами, которая к тому же еще и разговаривает. Дежурный был молодой, если говорить навскидку, парень, но сальные темные волосы и щетина добавляли ему разом лет пять, если не больше.

– Послушайте, Лэйси… Моя сестра никогда не исчезала вот так внезапно, и…

– Ей сколько лет?

– Двадцать один.

Дежурный издал звук, напоминающий нечто среднее между фырканьем и позывными с нижнего фронта.

– Мы не принимаем заявления о пропаже совершеннолетних девиц раньше, чем через неделю.

Неделя?! У Лэйси нет этой недели.

Если с ней случилось что-то серьезное (а с ней наверняка случилось что-то серьезное, о другом я старалась не думать), помощь ей нужна прямо сейчас!

– Вы не понимаете, – с трудом сдерживаясь и стараясь не сказать ничего лишнего (например, о том, что во время разговора принято смотреть в глаза собеседнику, а не между ног кому бы то ни было еще). – Нас четверо сестер, и она не могла позволить себе просто так взять и исчезнуть, она…

– Неделя, – сказал дежурный. – Не раньше.

И отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

– Пригласите ваше начальство, – сказала я.

– Чего?! – дежурный тяжело оперся ладонями о стойку, а потом начал вырастать надо мной.

– Я сказала: пригласите ваше начальство, – повторила я.

Четко и громко – так, что услышали все. Девицы мигом перестали брезгливо морщиться и поджимать губы, уставились на нас, даже храп прервался икотой.

– Начальство у нас в отъезде, – скривился дежурный. – Иди отсюда по-хорошему, если не хочешь присоединиться к ним.

Он кивнул в сторону стульев, на один из которых усатый политари в возрасте водрузил парня со сбитыми в кровь костяшками.

– Что здесь происходит, риджант?

Голос мужчины донесся справа так неожиданно, что я подскочила. Обернувшись, увидела стоявшего рядом со мной политари в штатском: об этом говорил его взгляд, которым он пригвоздил дежурного к стойке, и то, как стремительно он начал уменьшаться в размерах, проседая обратно на свой стул. Но тут же опомнился и снова вскочил, припечатав ладонью левое плечо.

– Прошу прощения! Хочет оставить заявление, – отрапортовал он. – Говорит, сестра пропала. Полдня назад.

– Сутки, – сказала я.

Риджант даже на меня не взглянул:

– Совершеннолетняя. Я говорил, что мы не принимаем заявления, но она…

– Достаточно, – припечатало его начальство. – Пойдемте со мной.

Последнее было адресовано мне, и я, плотнее перехватив сумку, направилась за ним. Мужчина шел быстро, я едва успевала за ним по растрескавшемуся полу, зажатая в тиски коридора с облупившейся краской на стенах. Навстречу нам вылетели еще два политари, которые чуть ли не волоком тащили молодого парня с диковатым взглядом. Заметив начальство, один из них швырнул арестованного к стенке с такой силой, что чуть было не отполировал его лицом грязные потеки на краске.

– Это о нем сообщали? – поинтересовался мужчина.

– О нем, – хмыкнул грузный толстяк, пока его напарник удерживал пытающегося вырваться парня. – Застукали у дальних доков, со всем снаряжением, даже костюм не успел разобрать.

От неожиданности я замерла: мне доводилось слышать о ныряльщиках, которые погружаются на дно в поисках антиквариата и прочего, что можно продать на черном рынке в частные коллекции очень и очень дорого. Собственно, они грабят затопленные дома, поднимают ценности и вещи, которые на суше собирают те, кто бесится с жиру. Таким образом ныряльщики зарабатывают себе на жизнь, но этой же самой жизнью здорово рискуют.

– Доплавался, в общем, – подвел итог толстяк-политари. – Скоро за ним приедут.

– Документы подготовили? – меня поразило, как буднично прозвучал голос мужчины.

– Давно уже. С Подводным Ведомством шутки плохи.

– Тогда сдавайте и занимайтесь делами. Весь холл провоняли дерьмом, – резко развернувшись, словно только обо мне вспомнил, мужчина шагнул в сторону ближайшей двери. По всей видимости, своего кабинета.

Я шагнула за ним, и в этот момент политари оторвали парня от стенки.

Наши взгляды встретились, и я увидела, как расширились его глаза. Он смотрел так, словно меня узнал.

Глава 6. В кабинете декана

Вирна Мэйс

Это длится мгновение, за которое я даже не успеваю удивиться. Парня дергают за капюшон и толкают вперед, зрительный контакт рвется, как натянутая нить хлестким резким:

– Пошел!

– Нисса, – голос мужчины звучит со стороны кабинета, и я даже не сразу понимаю, что он обращается ко мне. Все потому, что смотрю в сторону арестованного и политари, которые ведут его по коридору, но он даже не пытается обернуться. – Нисса!

Последнее звучит уже раздраженно, и я поворачиваюсь к тому, кто стоит у открытой двери.

– Мне кажется, или у вас пропала сестра?

Киваю и прохожу внутрь: здесь гораздо теплее, чем снаружи, а стены выглядят более-менее сносно. В остальном это обычный рабочий кабинет, за исключением голографической доски, на которой мигает карта западной дуги Пятнадцатого круга. Светящиеся точки передвигаются по улицам, петляют между домов (видимо, наряды политари).

Мужчина резко выдергивает верхний ящик стола, так резко, что чудом не срывает с доводчика, а после кивает мне на диван. Видавший виды, с потрескавшейся кожей, этот диван стоит у дальней стены, под портретом основателя Ландорхорна, пафосная надпись «Клянусь служить и защищать» занимает всю стену наравне с дипломами, особая полочка выделена под награды.

Дж. К. Ронгс, успеваю прочесть я перед тем, как мужчина подходит ко мне. Оказывается, он уже закурил, и едкий дым проникает в легкие, вызывая желание зажать нос.

– Так, – говорит он и жестом указывает мне на диван, но я не сажусь.

Потому что не представляю, зачем мне вообще садиться на диван, если заявление удобно заполнять за столом. Кажется, он тоже понимает ход моих мыслей, потому что раздраженно хмурится и затягивается еще глубже, выпуская кольца вонючего дыма.

– Вы говорите, что у вас пропала сестра, нисса…

– Мэйс. Вирна Мэйс.

– Вирна, – повторяет он мое имя, прищурившись, и мне едхово не нравится его взгляд, потому что мужчина смотрит мне не в глаза, а куда-то в район выбившейся из заколотых волос пряди, падающей на грудь. – Вам уже объяснили, что мы начинаем розыск совершеннолетних не раньше, чем через неделю после исчезновения.

– Объяснили, но моя сестра никогда не…

– Понимаю, – он перебивает меня раньше, чем я успеваю договорить. – Загруженность у нас сейчас по самую верхушку. Ну, вы видели, что творится.

Политари кивает в сторону закрытой двери, и я киваю в ответ.

В холле действительно головастика негде кинуть, и это при том, что сейчас раннее утро. Я смотрю на него, понимая, что должна думать о Лэйси, но думаю

об этом странном парне, о ныряльщике, которого уже не ждет ничего хорошего, и вспоминаю его взгляд.

Почему он так на меня смотрел?

– Ваша сестра не могла исчезнуть без серьезной причины, я правильно понимаю?

– Да, – стряхивая наваждение, снова смотрю на стол. – Так вы примете у меня заявление?

– Заявление, – повторяет он и продолжает смотреть на мою грудь. – В качестве исключения я готов принять у вас заявление, нисса Мэйс. Но только в качестве исключения и если вы окажете мне ответную услугу.

Прежде чем я успеваю что-либо понять, он указывает на ширинку. Двумя пальцами, между которыми по-прежнему дымится сплющенная сигарета, источающая вонь. В ту минуту, когда до меня доходит его предложение, я рывком дергаю дверь на себя и вылетаю из кабинета. Стены мельтешат перед глазами, рябят облупленной краской, а я все бегу, бегу и бегу и, только оказавшись на улице, за пределами этих давящих стен, останавливаюсь. Опираюсь раскрытыми ладонями о колени, выравниваю дыхание и бреду к станции платформы.

Зажатая где-то у поручня, тупо смотрю в спину стоящего передо мной парня. Эта спина – все, что я сейчас вижу, спина, а еще два пальца, указывающие вниз, на молнию брюк.

Меня начинает тошнить, и я прикрываю глаза, чтобы не слышать голос: «Ты же будешь хорошей девочкой, Вирна?!»

Этот голос снился мне долгое время, после чего я просыпалась в холодном поту, а еще начала носить с собой шокер. Несмотря на то, что лицензию на защитные приспособления выдают только совершеннолетним, Лэйси дала мне свой. Потом заявила о пропаже и купила другой уже для себя. Конечно, это было опасно, случись мне им воспользоваться на деле, с него считали бы «потерянный» серийный номер, но к счастью, не пришлось.

Тем не менее она здорово рисковала, рисковала ради меня.

Она каждый день делала для нас то, что другая девчонка ее возраста просто не потянула бы. Она ходила на эти едховы ночные смены, убивала свое здоровье, разнося напитки и прочие атрибуты богатой жизни тем, для кого самое страшное – это пропустить очередную вечеринку.

Она бы сделала для меня все, а я…

Я просто сбежала.

Брось, Вирна, ты правда думаешь, что он бы принял у тебя заявление?

Или пошевелил бы хоть пальцем ради того, чтобы найти Лэйс?

Может быть, если бы ему понравилось…

Нет.

Нет, я так не думала, и только поэтому на конечной платформы мне стало легче. Отпустило мерзкое чувство, холодный липкий пот перестал заливать спину.

Политари – не выход. Даже в самом лучшем случае они просто запихнули бы мое заявление в базу и благополучно о нем забыли. Нет, нужно действовать самой.

Лэйс работала в «Бабочке», а значит, оттуда и начну искать.

Сегодня после смены у Доггинса поеду туда, благо, деньги я отдала сестре, и у нее есть, на что купить еды себе и Тай. Приободренная этой мыслью, спрыгиваю с подножки гусеницы и почти лечу в сторону раскрытых крыльев академии «Кэйпдор». Мне уже не терпится отправиться в «Бабочку», но насколько я поняла, это исключительно ночное заведение класса премиум, и раньше чем за пару часов до полуночи там вряд ли появляются даже парни с фейс-контроля.

В холле я прикладываю пропуск к турникету и едва успеваю сделать шаг, как слышу механический голос:

– Вирна Мэйс. Пропущено четыре академических часа. Срочно зайдите к декану.

М-да.

Оперативно работают.

Учитывая, что раньше пропускать занятия мне не доводилось, с таким я не сталкивалась и никогда не слышала о подобном. Зато сейчас в меня снова вонзились сотни взглядов – все студенты, которые собрались в холле, пялились на меня.

– Калейдоскопница, – фыркнула крашеная блондинка-въерха и отвернулась.

Зато кое-что прояснилось: похоже, пропуски в Кэйпдоре оглашаются исключительно для людей.

У навигатора, представляющего собой огромную стеллу, вбила в поиск «факультет лиабиологии декан», и на экран выпала схема, как найти нужный мне кабинет. Внимательно ее изучив, я направилась к лифтам. Меня обогнали двое девушек, одной из которых была та самая крашеная блондинка.

– На что они только надеются? – донеслось от меня. – Да им до потолка прыгать надо, что их вообще к высшему подпустили.

– Видимо, потолок у них более низкий.

– Погоди-ка, а это разве не…

Они обернулись и синхронно уставились на меня.

– У меня что-то с лицом? – спросила я, коснувшись пропуском панели вызова лифта.

Разумеется, со мной въерхи не поехали, зато за спиной донесло:

– Кажется, Вирна Мэйс…

– Да, точно она! Красные волосы…

– Та чокнутая…

К счастью, двери лифта отрезали меня от них раньше, чем я услышала еще несколько весьма ярких характеристик. Понять, откуда ноги растут, труда не составило: они наверняка были на вводной лекции, где я умудрилась назвать Лайтнера К’ярда засранцем. Алетта мне все уши прошелестела о том, что я должна перед ним извиниться, если не хочу проблем, но извиняться перед ним я не собиралась. Во-первых, потому, что засранец – он засранец и есть, а во-вторых, я сильно сомневалась, что на следующее утро этот парень вообще вспомнит, кто я такая, не говоря уже о том, чтобы устраивать мне проблемы.

Шестнадцатый этаж протянулся к соседнему корпусу стеклянным переходом, по нему мне и предстояло пройти. Сегодня, в отличие от вчерашней пасмурной тяжести, выглянуло солнце и небо расстелилось пронзительной осенней синевой, звенящей от прохлады. Деревья разбрасывались пригоршнями листьев, которые мгновенно убирали с газонов, а те, что на них оставались, алели пятнами.

Кабинет декана располагался сразу за стеклянным переходом, перед ним раскинулся огромный холл, а в приемной меня встретила секретарь, тоже въерха. Глянув на меня поверх стильных очков в тонкой роговой оправе, приподняла идеальную, густую по последней моде бровь:

– Вирна Мэйс, я полагаю?

– Совершенно верно.

– Проходите, – она даже не потрудилась встать, кивнув в сторону соседней двери, пальцы ее снова запорхали над тапетом.

Недолго думая, шагнула в указанном направлении и оказалась в просторном, светлом кабинете. Запечатанные под рулонными шторами окна не впускали сюда солнечный свет, из-за цвета обивки стен (льдисто-голубого), создавалось чувство, что я оказалась в лиариуме, который накрыли тряпкой.

Директор лиариума, в смысле декан, оторвалась от изучения своего тапета и посмотрела на меня так, словно мне стоило провалиться сквозь пол аккурат до самого первого этажа, а еще лучше сразу в подземный переход.

– Вы пропустили занятия, – произнесла она таким тоном, каким прокурор мог бы объявить: вы совершили убийство. – Четыре академических часа по профилирующим предметам.

– У меня пропала сестра…

– В вашем договоре, нисса Мэйс, четко обозначено, что пропуск занятий недопустим, – в голосе ее звенела сталь. Она не предложила мне сесть, не предложила пройти, но ее пронзительный голос металлическими занозами впивался в кожу даже с другого конца кабинета. – Государство тратит огромные деньги, когда дает вам шанс получить высшее образование, поэтому пропуск занятий – уже достаточная причина для отчисления, если у вас нет достаточных для того оснований.

– Вы не позволили мне и слова сказать, – произнесла я. – У меня пропала сестра, участок открывается в то же время, когда у нас начинаются лекции.

– Ваша сестра не имеет никакого отношения к вашему обучению, – отчеканила она.

– Моя сестра имеет отношение ко мне! – я невольно повысила голос, и брови декана сошлись на переносице.

– Ваша. Личная. Жизнь. Меня совершенно не волнует, нисса Мэйс, – резко произнесла она, вырастая над столом. На вид ей можно было дать как тридцать пять, так и все пятьдесят, возраст въерхов сглаживается за счет питающей их силы. Юбка-карандаш цвета стали и такой же пиджак придавали въерхе сходство не то со статуей, не то с вышеупомянутым карандашом. – Вы не просто прогуливаете, вы пренебрегаете Уставом Академии. Или не читали его вовсе? Прежде чем подняться ко мне, вы должны были надеть форму.

Твоего едха! Она что, глухая?

– Моя сестра исчезла, – уже с трудом сдерживаясь, говорю я. Руки сами собой сжимаются в кулаки. – Я не знаю, что с ней, по-вашему, я должна была просто явиться на лекции, переодеться в форму и наслаждаться вашими едховыми знаниями?!

– Не смейте говорить со мной в таком тоне! – огненные глаза опасно сверкнули. Всю невозмутимость с нее как волной смыло. – Вы ранены?

– Нет, – цежу я.

– У вас умер кто-то из родственников, и есть свидетельство о кремации?

– Нет.

В этот момент я уже готова похоронить ее, под кипой лежащих на столе бумаг, а сверху возложить надгробный указатель-тапет с именным «едхова надра».

– Вы нуждаетесь в неотложной медицинской помощи, не в состоянии передвигаться самостоятельно или серьезно больны?

– Нет.

– В таком случае вынуждена вас огорчить, – теперь уже слова цедит она. – В договоре на обучение, который вы подписали, оговаривается, что вы обязуетесь посещать занятия согласно учебной программе и выполнять тесты не ниже восьми пропускных баллов. В случае нарушения и первого и второго пункта я имею право единолично поставить вопрос о вашем отчислении.

– Уверен, до этого не дойдет, – раздался за моей спиной голос.

Голос, который я меньше всего ожидала услышать.

Голос Лайтнера К’ярда.

Глава 7. Приглашение

Вирна Мэйс

Не представляю, кто из нас больше выпал в осадок: декан или я.

– Ньестер К’ярд, – определенно, в себя она пришла быстрее. – Что вы здесь делаете?

– Услышал, что у моей хорошей знакомой неприятности, – на этих словах я чуть было не скатилась обратно в тот самый осадок, но перевесило чувство самосохранения, и я выпарилась в реальность. Обернувшись, споткнулась о насмешливый взгляд, в котором клубился подземный огонь. – И решил ее поддержать.

– М-м-м… То есть вы утверждаете, что нисса Мэйс вам хорошо знакома и вы можете за нее поручиться?

– Ага.

Помимо насмешки в огне завелось что-то еще. Что-то еще, подсказывающее мне, что лучше прямо сейчас признаться декану, что все это фарс, что я вижу этого парня второй раз в жизни, но в моей жизни сейчас творился полный хидрец. Судя по глазам въерха, расслабленно глядящего поверх моего плеча на декана, он прекрасно это понимал. Судя по глазам декана, она уже сомневалась в своем решении, потому что имя К’ярд действовало примерно как допуск высшего уровня и не принимать во внимание слова сына правителя города было бы, по меньшей мере, опрометчиво.

Понимая, что если я продолжу молчать, через пять минут лишусь места в Академии и возможности вытащить свою семью из нищеты, кашлянула.

– Я говорила вам, что у меня серьезные обстоятельства, декан Фрейт.

– Что ж, – пробормотала она, отступая к столу. – В таком случае, полагаю, вы можете идти. На будущее учтите, что о таком надо предупреждать заранее,

нисса Мэйс.

Думаю, если бы она могла, она бы вышвырнула меня, не задумываясь. Но она уже не могла. Не сейчас, по крайней мере: судя по кислому выражению лица и плотно сжатым губам, это бесило ее гораздо больше, чем декан собиралась себе позволить.

– Учту, – ответила я, и, перехватив сумку, направилась к выходу.

– И не забывайте про форму, – запоздало отпинговали мне в спину.

– Не забуду.

Меня пропустили довольно учтиво, даже в сторону отступили с дороги. Въерх вышел следом за мной, даже не взглянув в сторону секретаря, которая не сводила с нас глаз. Стоило нам оказаться в холле перед деканатом, я остановилась, сунув руки в карманы.

– Что тебе нужно?

– Никакого воспитания, – фыркнул он. – Никакой благодарности.

– Если ты сейчас скажешь, что сделал это просто так, я поцелую твои ботинки, – сообщила я. – Ну?

Он приподнял бровь.

– Не искушай меня, синеглазка.

Глядя на меня сверху вниз (не то благодаря росту, я едва доставала ему до плеча, не то благодаря положению), он скользнул взглядом по моим губам. И сделал это так, что я вспыхнула, как от прикосновения к раскрытой в корке магмы трещине.

– То есть ты сделал это просто так, и я могу идти? Супер, – развернулась, но меня тут же перехватили за локоть.

– Не торопись.

– Ага, – стряхнула его руку. – Но если ты сейчас продолжишь играть в гляделки, у меня будет еще один прогул.

– Придешь на вечеринку, – коротко произнес он.

– Че-го?

– Придешь на вечеринку. В конце недели, – повторил К’ярд. – Адрес пришлю.

– Нет.

– Нет?

– Я занята, – коротко отозвалась я.

– А мне плевать, – произнес он. – Я вытащил тебя из задницы, синеглазка. Ты мне должна. Ты придешь на вечеринку. Если хочешь и дальше здесь учиться.

Развернувшись, он направился в сторону стеклянного перехода, оставив меня посреди холла в компании декоративных рыбок. Лиариум был вмонтирован в стену, собственно говоря, он заменял одну из стен, ту, что была напротив расчерченного рамами окна от пола до потолка. Рыбки суетились, пытаясь урвать куски выпавшего по таймеру корма, и я почему-то подумала о том, что люди не сильно от них отличаются.

Раскрывают рот, чтобы слопать то, что в него бросают въерхи.

И «Калейдоскоп» – не исключение.

На этой мысли я вытряхнула себя в сторону, куда ушел К’ярд: часы показывали два больших деления и одно маленькое, которое стремительно сокращалось. До начала лекции оставалось чуть больше пятнадцати минут, а мне нужно было еще переодеться и добежать до аудитории.

Поэтому я ускорила шаг, быстро спустилась в раздевалку (к счастью, никто из встретившихся по дороге больше не тыкал в меня пальцем), переоделась и влетела в аудиторию за пару секунд до звонка.

– Ты где была? – прошептала Алетта одними губами.

Мы с ней везде сидели вместе, и сейчас она сдвинулась в сторону, позволяя мне сесть.

– Потом расскажу, – ответила так же шепотом.

Преподавательница окинула меня оценивающим взглядом. Коснувшись тапета, кивнула на доску, где высветилось ее имя, название курса: История Раверхарна, и краткие сведения по выпускным данным.

– Всем доброго дня. Меня зовут Ильтана П’риар, и я буду преподавать вам курс углубленной истории. На вашем факультете в конце семестра будет контрольный тест, в конце курса защитите работу по выбранной теме. Экзамена у нас не будет, но это не значит, что можно расслабляться. До теста и защиты я допущу только тех, у кого будет не менее восьмидесяти процентов посещения лекций и стропроцентная практика, не считая пропусков по уважительным причинам.

Дались им эти пропуски.

Экран тапета вспыхнул:

«так где ты была?» – сообщения от Алетты.

Я развела руками: пера по-прежнему нет. Однокурсница подтолкнула ко мне свое.

«Лэйси пропала».

«твоя старшая?»

Алетта ткнула меня локтем в бок и когда я кивнула, округлила глаза.

«как?!»

«Не вернулась со смены. Тапет выключен».

«хидрец», – выскочило сообщение, и следом второе: – «так ты в участке зависала?!»

От переписки меня отвлек голос преподавательницы:

– Начнем с проверки основных знаний. Назовите четыре ключевых даты и события Раверхарна, раз и навсегда изменившие историю нашего мира.

Поскольку желающих ответить не нашлось (видимо, после обеда не все еще проснулись), въерха коснулась планшета со списком студентов.

– Ньестра Л’оу.

Сидевшая во втором ряду девушка с огненными волосами подняла голову:

– Глобальная катастрофа, раскол и схождение материков, объединение государств, – она произнесла это таким тоном, что больше всего в ее речь вписывались слова «глобальная катастрофа». – Год четыре тысячи пятьсот шестьдесят шестой по старому летоисчислению, в новом календаре он называется «точка ноль» или «начало отсчета», символизирующее первый год создания Раверхарна.

– Не совсем так, – поправила преподавательница. – Раверхарн как Объединенное Государство Возможностей и Процветания появился лишь шестьсот восемь лет спустя, до этого выжившие пытались строить новую цивилизацию, основываясь на достижениях предыдущей и вели войны за территорию. Если мы обратимся к истории, в те годы людям очень сложно было смириться с тем, во что превратился наш мир, и неудивительно. Все коммуникации были повреждены, все технологии нарушены, не было ни электричества, ни возможности общаться на дальние расстояния. Процветало мародерство и грабежи, мир катился в Бездну. Кто скажет, кто сумел это изменить?

Сидевший на четвертом ряду парень вскинул руку.

– Лидх Картерн, – произнес он. – Въерх.

– Верно, – кивнула ньестра П’риар. – Именно катаклизм, почти полностью разрушивший наш мир, наделил нас силой, которую мы пронесли сквозь столетия. Я бы сказала, что это был дар нашей планеты тем, кто сумел выжить, чтобы мы могли уберечь мир от подобных последствий в будущем.

В общем, да. Примерно все так и было. Первые въерхи появились в мире после той катастрофы: от прежней цивилизации мало что осталось, ее до сих пор пытаются изучать, чтобы восстановить исторические данные, но тщетно. По сути, там изучать-то особо нечего, поскольку все было разрушено подчистую.

Мне в ладонь ткнулось перо, и я снова опустила глаза в чат:

«так что сказали политари?»

«Что не примут заявление раньше, чем через неделю».

Вместо ответа однокурсница прислала смайл с отвисшей челюстью, а следом второе сообщение:

«что будешь делать?»

– Может быть, вы нам подскажете?

В аудитории повисла тишина, и я подняла голову. Обнаружила, что все смотрят в нашу сторону, включая преподавательницу. Точнее, она смотрела прямо на меня, но поскольку я понятия не имела, о чем был разговор, пришлось уточнять:

– Что именно?

Въерха нахмурилась.

– Вторую основную дату Раверхарна.

– Год тысяча триста сорок четвертый. Признание въерхов отдельной расой.

– Верно, – подтвердила преподавательница. – Именно в те годы произошло признание нас расой, которая отличается от людей. До того времени считалось, что въерхи – всего лишь эволюция человеческой ветви, но потом оказалось, что это далеко не так. В те годы нам пришлось многое пережить, и все это мы будем изучать подробно. Как вас зовут?

– Мэйс. Вирна Мэйс.

Преподавательница скользнула по списку быстрым взглядом.

– Нисса Мэйс. Десять минусовых баллов за невнимательность.

С первых рядов донеслись смешки.

– Но я ответила на вопрос.

– Тем не менее до этого вы меня не слушали, – въерха отвернулась, дав мне понять, что разговор окончен. – Третья дата. Кто хочет ответить?

С плотно забитого (пожалуй, плотнее всего) шестого ряда вскинула руку коротко стриженная студентка.

– Две тысячи восемьдесят восьмой. Проседание.

– Правильно. Расскажете подробнее?

– Материк начал медленно сползать в воду, миру грозило затопление и новая глобальная катастрофа. Мы объединились, чтобы удержать материк над водой.

– Четвертая?

На сей раз ответить вызвался въерх с длинными, стянутыми в хвост волосами.

– Становление въерхов у власти. Две тысячи восемьсот семидесятый.

– Все так. И по сей день мы с вами живы благодаря тому…

«извини», – упало в чат от Алетты.

«Без разницы», – написала я.

«это все потому что ты человек».

Я не ответила. С калейдоскопников действительно спрос был выше, и то, что спускалось въерхам, нам не прощалось. Толку заморачиваться по этому поводу я не видела, поэтому просто вернулась на лекцию. Как раз в тот момент, когда ньестра П’риар закончилась разоряться о собственном величии, то есть о величии въерхов и о том, что в наши дни (четыре тысячи девятьсот пятьдесят первый год) ничего этого не было бы, если бы не.

Сдается мне, говорить об этом любой въерх может бесконечно. Вот она и говорила, о тактике Лидха Картерна, о том, как он объединил города и создал Первую Армию Восстановления, о том, как мир снова стал единым целым и очистился от заразы потребленцев и мародеров.

В общем-то, это была обычная вводная по истории, и когда прозвенел звонок, преподавательница поспешно произнесла.

– Домашнее задание: подробно проработать вопрос, почему точка ноль все-таки считается датой создания Раверхарна. Устный опрос по времени Восстановления и стратегии Лидха Картерна. Все свободны.

«Все свободны» потекли в сторону выхода из аудитории, Алетта же повернулась ко мне.

– Что будешь делать, Ви?

– Вечером поеду в «Бабочку», – подхватила сумку и поднялась.

– В «Бабочку»?

– Да, клуб, в котором работала Лэйс. Надеюсь, что-нибудь выясню.

Летта кивнула.

– Держи меня в курсе, ок?

Я кивнула в ответ. Мы даже подругами не были, поэтому сейчас в аудитории стало немного теплее.

В коридор мы вышли вместе, направляясь в сторону лабораторий. Летта молчала, а я думала о том, как мне досидеть оставшиеся занятия и пережить смену у Доггинса.

Сегодняшний вечер казался далеким, как никакой другой.

Глава 8. Ловушка для синеглазки

Лайтнер К’ярд

Если еще вчера чесались кулаки набить кому-то морду, то сегодня даже нудные лекции летели незаметно. Все потому, что вчера я сначала выпустил пар, разрезая волны, а затем придумал, как развлечься на выходных.

Океан вообще не позволяет мыслей. Зазеваешься – и тебя захлестнет волной, а после поволочет на дно. Либо будешь тормозить башкой о песчаный берег, рискуя сломать шею. Поэтому укрощение океана – единственный способ выбросить все лишнее и ото всего этого освободиться. Злость на отца действительно отступила, но стоило оказаться на суше, память снова подкинула воспоминание о красноволосой девчонке. Вирна Мэйс будто отбойное течение затягивала под воду, утягивала в океан, и у меня не получалось перестать о ней думать. А как справиться с едховой обратной тягой? Конечно же, ей поддаться.

Значит, нужно заполучить калейдоскопницу.

Ха!

Идея пришла в голову внезапно, но уже безумно мне нравилась.

Ну а что? Почему я должен отказываться? Мэйс симпатичная, и, судя по тому, что не побоялась бросить мне в лицо оскорбление, еще и строптивая. Может, она вовсе сделала это нарочно. В общем, она наверняка та еще горячая штучка.

Но для начала стоило узнать о ней побольше. Поэтому вчера вернувшись домой и приняв душ, я написал Родресу.

«Найди для меня всю информацию по Вирне Мэйс»

Через минуту пришел ответ:

«Хорошо».

За что мне нравится Родрес: он не задает лишних вопросов и надежен, как горный хребет Дракур.

До знакомства с Родди я бы воспользовался помощью Шадара, начальника службы безопасности отца. Он может узнать что угодно, я вообще сомневаюсь, что для этого въерха существуют какие-то границы. Шадар предан нашей семье, но больше всего он предан отцу. Значит, о моем интересе к девчонке сразу стало бы известно Диггхарду К’ярду, а мне это совершенно не нужно.

Словом, я привык справляться своими силами и собственными связями. Зачастую получалось даже быстрее, чем могло быть через Шадара. Вот как сейчас: я не успел надеть чистую футболку, а Родди уже прислал файл.

Родителям Родреса принадлежала корпорация «Бигихор», занимающаяся информационными технологиями и охранными системами. Уверен, во всем Ландорхорне нет ни одной камеры или турникета, которые установили не они. Насколько мне известно, они даже создавали систему политари, но к ней у Родди доступа не было. А вот к системе Кэйпдора – был. Однажды он признался, что, зная слабые звенья в защите, попросту взломал ее. Поэтому Родрес мог узнать всю личную информацию любого студента академии.

Я упал поперек кровати и открыл учебное досье Вирны Мэйс.

И удивился тому, какое оно короткое.

В личных файлах было все: от школьных оценок и рекомендательных писем до домашнего адреса. Обычно в досье въерхов рассказывалось о родителях и других ближайших родственниках, которые внесли значительный вклад в развитие академии, каким образом прославили, читай сколько денег потратили на процветание Кэйпдора. Дальше шли школьные достижения вроде побед в спортивных или интеллектуальных соревнованиях. И даже находилось место для указания хобби.

У Мэйс все это отсутствовало (ладно, люди не могут разбрасываться деньгами, но хоть что-то толковое там должно было быть!). Но нет, даже в графе «родители» стоял прочерк. Не говоря уже о хобби или спортивных победах. Зато как я и думал, калейдоскопница поступила в академию не за свои синие глаза, а за старательность и успеваемость выше среднего. И даже сейчас училась на отлично. Люди, как правило, терялись в Кэйпдоре. Наша школьная программа отличалась высоким качеством, а им приходилось многое нагонять. Так что девчонка молодец, но это, пожалуй, все, что удалось выяснить.

Мало, очень мало. Значит, остальное придется узнавать самому.

Мои размышления прервал вызов по тапету. Звонила Ромина.

Как не вовремя!

Я поморщился, но нажал ответить.

– Привет, Лайт! – протянула она. – Как настроение?

Судя по золотистому узору за спиной, Ромина сидела, прислонившись к изголовью кровати в своей спальне. На ней был струящийся халат жемчужного цвета, который небрежно распахнулся, подчеркивая ложбинку, от которой сходили с ума все парни. Все, кто хоть раз заглянул в ее декольте, мечтали заглянуть еще глубже.

Все, но не я.

– А то я могу его поднять, – лукаво заметила Ромина. Намек был более чем прозрачным.

– Не сомневаюсь, – не поддержал я шутку.

– Зря отказываешься. Ты бы мог приехать ко мне прямо сейчас. Родители все равно на каком-то званом обеде, от которого я смогла отвертеться.

– Позови подружек.

– Не хочу подружек, – отмахнулась она. – Хочу… тебя.

– Ты же помнишь наш уговор, Роми.

Въерха сжала губы в тонкую линию, в глазах на мгновение сверкнул гнев. Впрочем, она тут же поправила идеальный локон и снова улыбнулась.

– Зря. Мы же по-прежнему друзья, Лайт?

– Только друзья.

С Роминой мы встречались весь первый курс, и у нас ничего не получилось: мы слишком похожи. Мне, казалось, она согласилась с тем, что нам нужно расстаться, но стоило вернуться в академию после летних каникул, начались намеки. Мне это совсем не нравилось, а временами раздражало. Сейчас вообще захотелось поскорее закончить разговор и вернуться к гораздо более интересному занятию – изучению фотографии Вирны в школьном досье. Пусть даже изображение не передавало всей глубины ее глазищ.

Девушка разочаровано вздохнула и спросила:

– Помнишь, про вечеринку?

– М-м-м? – оторвавшись от созерцания фотки, снова вернулся в реальность.

– У Лорнела. Пойдешь?

Вечеринки Лорнела О’ка среди обычных студенческих попоек выделялись лишь размахом и абсолютной свободой: туда приходили те, кто хотел оттянуться по полной, не оглядываясь ни на чье мнение. Но у меня были свои способы оттянуться по полной, и я уже давно ни на кого не оглядываюсь.

Поэтому я открыл было рот, чтобы отказаться, но тут меня осенила новая идея.

Вечеринка – прекрасный способ узнать Вирну.

– Да, буду, – ответил я. – Роми, мне нужно идти.

И почти не солгал. По правде говоря, давно мне так не было интересно.

Осталось только придумать, как затащить синеглазку на вечеринку. Потому что, судя по ее оценкам, она исключительно учится. К тому же, подводная зоология у нас не так часто, а я не собираюсь ходить кругами, как рильенская акула, от урока до урока.

План был до банального простым: перехватить ее в одном и коридоров академии и пригласить на вечеринку к Лорнелу, но все оказалось еще проще.

Кроме доступа к файлам, Родрес мог войти в систему Кэйпдора, и узнавать все обо всех онлайн. О зачисленных баллах, о нарушениях, в случае с людьми (учитывая форму с датчиками) даже местонахождение того или иного студента на территории академии. О последнем я узнал только сегодня.

– Что за едх? – спросил я. – Это что, правда? Зачем им отслеживать калейдоскопников?

Я даже обернулся на Хара, но у друга был в точности такой же удивленный вид.

Мы втроем расположились на скамейках на стадионе, здесь можно было поговорить без лишних ушей. Первокурсники как раз готовились к силовым тренировкам, и до слов Родди я лениво наблюдал за их потугами и раздумывал – идти ли мне сегодня на свои.

– Чтобы не утащили форму, – пожал плечами Родрес. – Так написано в правилах.

– Да кому она нужна? – рассмеялся я. Ну правда! Хуже формы, чем академическая не придумаешь. Все выглядят так, словно сошли с конвейера «Бигихор», а девчонки в ней вообще напоминают храмовых служительниц.

– Видимо, кто-то пытался украсть.

Как же мало я знаю о калейдоскопниках.

Нет, конечно, среди людей много таких, для кого «украсть» – стиль жизни. Но зачем рисковать своим местом в академии ради едховой тряпки? Это просто не укладывается в голове.

– А что за правила?

– Есть целый список того, за что калейдоскопника могут исключить из Кэйпдора, – кивает Родрес. – Сейчас перешлю его тебе.

Я открыл принятый файл и присвистнул:

– Пятнадцать страниц? Шутите?

Хар, заглянувший мне за плечо, хохотнул.

– Для въерхов не наберется и одной.

Да уж. Мне, например, нужно очень постараться, чтобы вылететь из академии. По крайней мере, совсем забить на учебу. И то – для начала ректор доложит отцу, тот вправит мне мозги. Ну это если теоретически. Мне незачем забрасывать Кэйпдор, я учусь для себя, а не для кого-то. Но для меня правила смягчены, и преподаватели могут закрыть глаза на многое.

А вот человеку достаточно прогулять несколько пар без уважительной причины, немного не добрать до проходного балла на тестах, разок подраться на территории Кэйпдора, оскорбить магистра, появиться на занятиях без формы,

повредить форму, каким-то образом оскорбить форму… У них вообще с этой формой куча подпунктов было!

М-да.

И Вирна Мэйс, правильная девчонка и образцовая студентка, не явилась сегодня на первую лекцию. И на вторую тоже.

Незадолго до конца второй пары программа Родреса, скачанная на мой тапет, показала, что Мэйс все-таки явилась, но получила вызов к декану. Для любого въерха – ерунда, а для калейдоскопницы, как я понял из того длиннющего свода правил – большие проблемы. Поэтому отправился следом, не раздумывая.

Как оказалось, успел вовремя. Декан лиабиологов (вот кто настоящая маруна!) собиралась выставить девчонку из Кэйпдора. Именно тогда, когда я ее нашел и решил познакомиться поближе. Да мне давно так не было интересно, а это мы с калейдоскопницей еще толком не разговаривали.

Я все продумал, а эта едхова декан чуть было все не испортила. Но, с другой стороны, именно благодаря ей я поймал девчонку на крючок.

Теперь Вирна Мэйс – моя должница. И это самая хорошая новость за последнее время. Осталось лишь дождаться выходных.

Глава 9. «Бабочка»

Вирна Мэйс

– Эй, а столы кто мыть будет? – крикнула Джей.

– Завтра мою за нас двоих! – я вылетела за дверь раньше, чем моя напарница по смене у Доггинса успела что-либо ответить.

Мне нужно было успеть в «Бабочку» в тот момент, когда там еще нет посетителей и в то же время когда уже есть те, кто сможет рассказать про Лэйси хоть что-нибудь. То есть оптимально – за час-полтора до начала смены. Они там гримировались перед тем, как надеть специальную униформу, я никогда не видела Лэйс в гриме (выходить в нем за территорию заведения им запрещали), но она говорила, что это нечто феерично́е, хоть и весьма трудоемкое.

На полном ходу влетев в полупустую гусеницу, я устроилась на сиденье (жестком, но хотя бы обитым искусственной кожей, благодаря чему сидеть было в разы теплее). Ближе к ночи, как частенько бывает в Ландорхорне, ветер усилился, от порывов перехватывало дыхание и хотелось завернуться в куртку с головой. Поэтому даже сейчас запахнула ее плотнее и накинула капюшон, вглядываясь в мельтешащий за окнами ночной пейзаж.

Снова в центр, пусть даже не доезжая до Второго круга, но все равно гораздо ближе к «Кэйпдору». О том, что произошло сегодня за дверями кабинета декана, я старалась не думать. Разумеется, ни на какую вечеринку я не пойду, осталось только понять, как это донести до того, кто не привык получать отказы. В том, что он эти отказы получать не привык, я поняла по уверенности, с которой мне сегодня поставили условие.

Что ж, будет первое серьезное разочарование в жизни богатого счастливого мальчика.

Стоило об этом подумать, как накатило раздражение. Раздражение пополам с глухой бессильной злостью: если бы пропал кто-то из семьи К’ярд… окей, если бы пропал кто-то из семьи любого въерха, которые со мной учатся, вряд ли бы его родственника отправили в режим ожидания на неделю. И уж тем более вряд ли предложили бы расплатиться подобным образом, потому что за такое можно загреметь под суд. Когда речь заходит о человеке, тем более о девчонке, которой нечего тебе противопоставить – дело другое. Рядом с ней можно чувствовать себя крутым и сильным.

Поймала себя на мысли, что снова сжала кулаки, и тут же их расслабила, стряхивая злость.

Достала тапет и написала Митри: «Буду поздно. Уложи Тай и ложись сама».

Не думала, что придет ответ, но ответ все-таки пришел:

«Ты где?»

«Еду в «Бабочку».

Судя по тому, что Митри ничего больше не спросила, веры в политари у нее было еще гораздо меньше, чем у меня.

– Четвертый круг. Центральный Парк Ландорхорна, – объявил механический голос.

Центральный Парк Ландорхорна – место, где я бывала от силы пару раз. Слишком дорого стоил проезд, чтобы позволять себе кататься в такие районы, но родители как-то возили нас в центр. Первый раз на годовщину свадьбы, но тогда я была совсем маленькой и мало что помню, кроме крутящихся каруселей, визга детей-въерхов и взлетающих в небо изгибов горок-аттракционов.

Второй раз мы ездили туда на день рождения Лэйс, и это я помнила уже гораздо лучше: нам с Митри даже довелось покататься на эйрлатах-аттракционах, а Лэйси с отцом прокатились на самой огромной горке, на которую нас не пустили, потому что мы еще были маленькие. Мама сказала, что не пошла кататься, потому что ее не пустили тоже, хотя я уже тогда прекрасно поняла, что она говорит это для того, чтобы нам не было обидно.

– Четвертый круг. Рингас-стрит.

Рингас-стрит – то, что мне нужно. Подхватив вещи, вылетела на платформу, достаточно высокую, чтобы пассажиров здесь перевозили лифты. Да, мне доводилось бывать здесь раньше, но в такое время – никогда, поэтому я ненадолго залипла. Искры огней и ленты магистралей, неон рекламы, фары дорогущих эйрлатов, мельтешащих над городом.

Сверившись с навигатором, я направилась по лестнице мимо закрытых витрин бутиков. Надо отдать должное, это, пожалуй, было единственное, что здесь в такое время было закрыто. Вдалеке вырастал монументальный купол Догран Холл, самого известного, пожалуй, театра Ландорхорна, но нужная мне улица

увела меня в сторону. Несмотря на будний день и позднее время, народу здесь было просто море. Причем даже когда я свернула с Рингас-стрит, аорты Четвертого круга.

Мимо меня проходили совсем молодые въерхи и въерхи в возрасте, люди спешили по домам (видимо, из пресловутых закрывшихся бутиков) или на работу (в ночные клубы и рестораны).

Совсем как Лэйс.

Вспомнив о сестре, ускорила шаг, и уже через несколько минут вылетела на улицу, венчало которую заведение, где работала моя сестра. Над входом раскинулись яркие синие неоновые крылья, под которыми располагался вход.

Рассыпая огни и соперничая с мерцающей неподалеку рекламной вывеской, золотом переливалась огромная надпись: «Бабочка».

Клуб действительно поражал своим великолепием: начать хотя бы с того, что он занимал целый квартал. Видимо, желающих в нем отдохнуть было много, а еще (это я знала от Лэйс), внутри была большая сцена для представлений, огромный банкетный зал и много чего еще.

Поразительно, что такое огромное заведение работает исключительно ночами: оно открывает свои двери для всех желающих ровно в полночь и закрывает в шесть. Шесть часов, всего шесть часов, неужели работа «Бабочки» за это время окупается? Лэйси рассказывала, что у них безумные цены на бар и на основное меню, бронь столика стоит столько, сколько мне и не снилось, тем не менее этот клуб никогда не испытывает недостатка в клиентах и разоряться не собирается. Сюда приезжают не только богатые ландорхорнцы, реклама у «Бабочки» такая, что все любители ночной жизни тянутся сюда из близлежащих городов, туристы тоже не исключение.

– Просто есть те, для кого выкинуть столько денег за одну ночь – все равно что купить разовый жетон на проезд, – говорила она.

И глаза ее, большие, превращались в две узенькие щелочки, а между бровей залегала глубокая складка. Лэйс ненавидела тех, для кого работала, пусть даже лично ей они не сделали ничего плохого. Сложно улыбаться тем, кто гуляет с

ночи до утра, заливая веселье игристой шипучкой и чем покрепче, тогда как ты едва сводишь концы с концами и думаешь, на что купить хлеба и сыра, сколько денег нужно заплатить государству за дом, а сколько отложить на его содержание и одежду сестрам. Тем не менее Лэйс улыбалась, а дома – ненавидела.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В переводе с древнеранханского lia – вода

2

Едхи – морские гады, выползающие из моря, чтобы разбросать свои ядовитые иглы в поисках добычи, обитающей на берегу.

3

Надра – самка морской змеи, оставляющей страшные ожоги, если взять ее в руки. Ругательство.

Купить: https://tellnovel.com/marina-eldenbert/babochka

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити